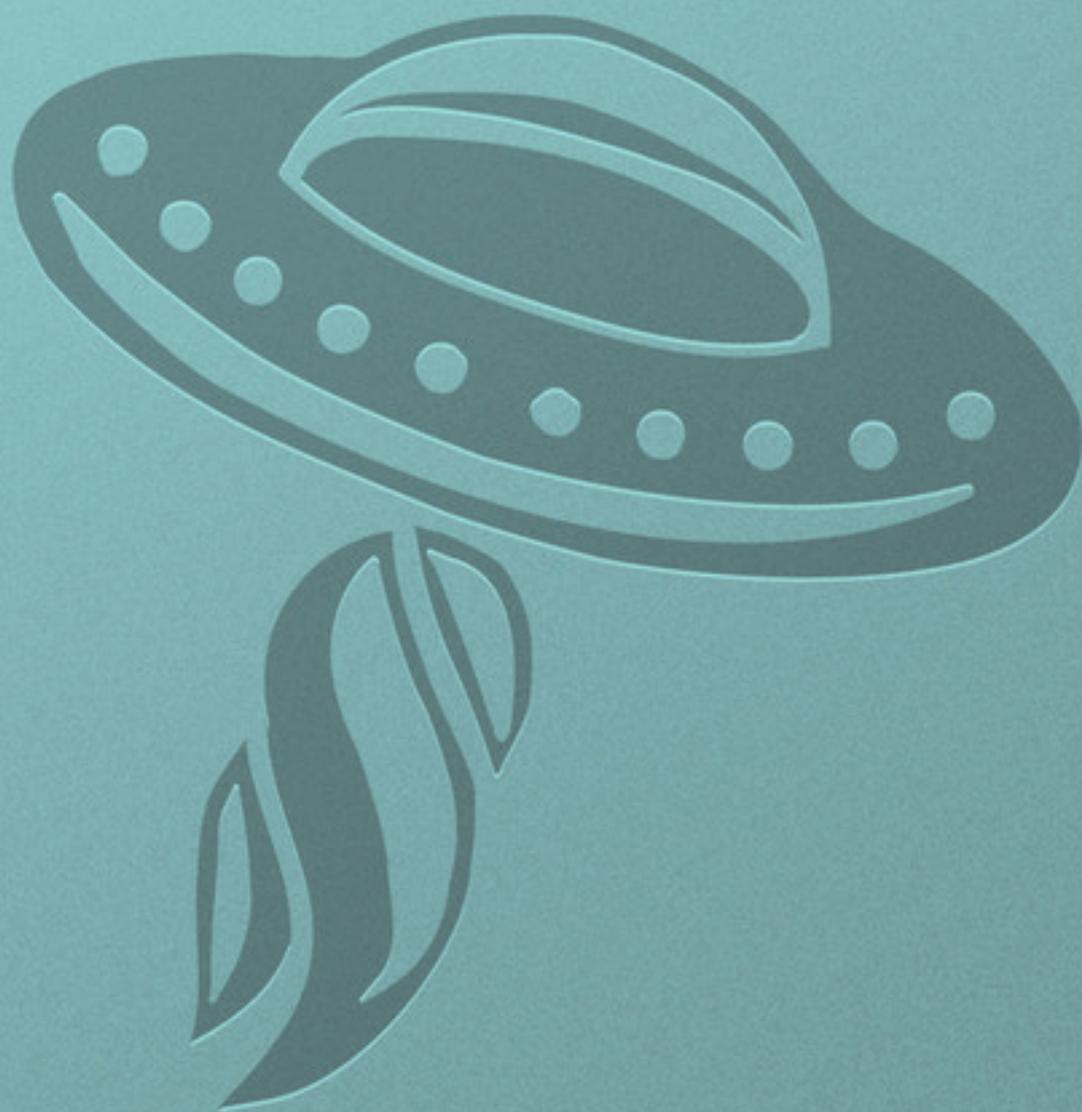

Андрей Дашков

Бродяги Тверди

*Часть сборника
Настоящая фантастика -2013
(сборник)*

Андрей Дашков
Бродяги Тверди

«ЭКСМО»

2013

Дашков А. Г.

Бродяги Тверди / А. Г. Дашков — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-457-28173-8

«...Свинцовый шарик в его карманных часах пересек границу первого квадранта, когда нигредо шагнул в проделанный им коридор и покинул пустоту, которая называлась «бункер» – двадцать восьмой по его личному счёту. Он выяснил это, изучая и анализируя сохранившиеся документы, надписи на стенах и прочие свидетельства давно закончившейся суеты. Пустоты с таким названием попадались довольно часто; с некоторых пор по всей многострадальной тверди были разбросаны всевозможные «командные пункты», «станции слежения», «шахты», «хранилища» и тому подобные новообразования. Случалось, они медленно разрастались – как раковые опухоли в некогда здоровом теле...»

ISBN 978-5-457-28173-8

© Дашков А. Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1. Бункер	5
2. Коридор	7
3. Лимб	8
4. Таверна	11
5. Женщина	12
6. Встречи	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Андрей Дашков

Бродяги Тверди

Мы... томительно долго спустились извилистым подземельем и вот увидели под собой пустоту, бескрайнюю, как опрокинутые небеса, и на корнях растений повисли над пустотой; я сказал: «Бросимся в пустоту и посмотрим, есть ли в ней провидение, – если не хочешь, я брошусь один».

Уильям Блейк

Nigredo или чернота – это начальное состояние, либо присущее с начала свойство хаоса, либо, в противном случае, производимое разделением элементов. Если условие разделения предполагается в начале процесса, как иногда случается, тогда союз противоположностей осуществляется подобно союзу мужчины и женщины с последующей смертью продукта союза и соответствующего nigredo.

Карл Густав Юнг

1. Бункер

Свинцовый шарик в его карманных часах пересек границу первого квадранта, когда нигредо шагнул в проделанный им коридор и покинул пустоту, которая называлась «бункер» – двадцать восьмой по его личному счёту. Он выяснил это, изучая и анализируя сохранившиеся документы, надписи на стенах и прочие свидетельства давно закончившейся суеты. Пустоты с таким названием попадались довольно часто; с некоторых пор по всей многострадальной тверди были разбросаны всевозможные «командные пункты», «станции слежения», «шахты», «хранилища» и тому подобные новообразования. Случалось, они медленно разрастались – как раковые опухоли в некогда здоровом теле.

Впрочем, нигредо было грех жаловаться. Раньше, благодаря обилию пустотников, ему хватало еды, даже оставались излишки. То был золотой век. Нигредо не убивали друг друга, некоторые объединялись и вместе ломали твердь. Однако времена изменились к худшему, и теперь борьба за угоды шла не на жизнь, а на смерть. Кстати, о смерти он знал не понаслышке.

Чужие языки также не являлись для него проблемой; все нигредо, независимо от того, когда они покинули Колыбель, обладали врождённым талантом постигать смысл и связь любых знаков – от иератических символов до алфавитов. В крайнем случае он мог прибегнуть к помощи призраков – мёртвых пустотников всегда было и будет гораздо больше, чем живых. Он улавливал их тонкие вибрации, и потребность в речи и мыслях отпадала вовсе.

В бункере номер двадцать восемь нигредо обнаружил шестерых. Он неплохо провёл с ними время, узнал кое-что новое, поэтому и задержался в пустоте дольше, чем обычно, – примерно на четыре спирали. Впрочем, призраки не считались серьёзной добычей, хотя и позволяли пополнить запас энергии. На этот раз он взял себе только троих – на тот маловероятный, но всё-таки возможный случай, если когда-нибудь придётся туда вернуться. По мере удаления от места смерти они быстро утрачивали питательные свойства даже при хранении в специальном контейнере.

Неутолённый голод гнал его дальше и дальше, в вечную тьму еще не пройденной тверди, взламывать которую стоило тем больших усилий, чем дольше он оставался без пищи. *Настоящей* пищи.

2. Коридор

Нигредо шел в абсолютной темноте, не расходуя драгоценную энергию на бесполезный свет. Зачем ему свет? Он находился в своей стихии. Для него не было ничего более естественного, чем движение в коридоре – не важно, сопровождалось ли оно непосредственным взломом или же он проделывал это заранее. В обоих случаях продолжительность существования коридора зависела исключительно от его намерений. Коридоры могли исчезать буквально за спиной и открываться на границе ауры – на жаргоне нигредо это называлось «идти буром».

Кое-кто из ему подобных предпочитал поддерживать свои коридоры открытыми постоянно. Это требовало лишних затрат энергии, но обеспечивало определённые удобства. Крайне редко он пользовался чужими коридорами – такое нарушение негласного кодекса чести низводило его до уровня жалких тварей вроде пустотников, не имеющих понятия о *взломе*. Кроме того, коридор мог быть закрыт в любой момент, и для любого чужака, застигнутого врасплох, это означало неминуемую смерть.

Ему иногда снился худший из кошмаров (как предупреждение или сигнал тревоги) – он оказывался не просто заживо похороненным в тверди; он становился *частью* тверди, размазанным отпечатком существа в её упрощенной структуре, но прежде подышал с землёй в ноздрях и вмерзшими в базальт желудком и сердцем.

Всякий раз эти кошмары позволяли ему вовремя проснуться. И всякий раз, избежав опасности наяву, он думал: с чего бы это? Дурной сон – не обязательно следствие плохого пищеварения...

На исходе второго квадранта он решил сделать привал. Закрыв коридор на расстоянии десятка шагов в обоих направлениях, уселся, используя стену в качестве опоры, и достал из контейнера душу пустотника.

Ужинал он также в темноте. Ни один луч не должен был помешать восприятию вибраций, которые не имели ничего общего с видимым светом. Мерцание призрака в момент, непосредственно предшествующий поглощению, мог заметить только истинный гурман... или очень голодный нигредо. Он был очень голоден. И очень высоко ценил свой голод. Пока он был голоден, он двигался. А пока нигредо двигался, он чувствовал себя живым.

3. Лимб

Три спирали спустя он вошёл в Лимб.

Эта пустота считалась нейтральной территорией, одним из немногих относительно спокойных мест. Иногда её также называли Зоной Любви. В Лимбе заключались сделки, продавалось и покупалось оружие, одежда, контейнеры для призраков, источники света, спиральные часы и прочие вещи, которые делают существование возможным, сносным и даже приятным – на определённое время, не более того. Здесь можно было взять проститутку или попытаться счастья в игре. Сюда приводили захваченных пустотников, но рабство не практиковалось. Кто же захочет таскать за собой сквозь твердь обузу, которая лишает хозяина главного преимущества – мобильности?

Тут попадались тихие уголки, где раненые нигредо залечивали раны. Некоторые приходили в Лимб, чтобы умереть. Выбор последних он, мягко говоря, не уважал. По его мнению, покидать этот мир следовало так же, как входить в него – в одиночестве, хотя и через другую дверь. Исторгнутый Колыбелью, он, как и все остальные, испытывал смутную потребность в ней вернуться, но эта пустота никого не впускала обратно...

Размышляя о смерти, он пытался представить себе свои последние мгновения. Он предпочел бы умереть без свидетелей. И самому закрыть коридор, превратив свой кошмар в окончательную реальность. Ну а если смерть застанет его в какой-нибудь пустоте? Это было другое дело. Наличие вероятности того, что его собственный призрак может быть кем-то поглощен, ему очень не нравилось. Наверное, потому он и не любил пустоты, в которые рано или поздно его приводила необходимость поддерживать существование. Истинный бродяга тверди, он никогда не покидал бы её, если бы не проклятие, разделившее жизнь надвое: на краденый свет и мать-тьму.

* * *

Как только позади него закрылся коридор, он испытал то же, что и всякий раз, когда входил в пустоту. Агорафобия, которая следовала за ним неотвязной, невытравленной тенью, терпеливо ждала своего часа. И он её не разочаровал. Нападая, она словно в мгновение ока, одним движением сдирает с него кожу. Он ощущал её ледяные объятия каждым обнажённым нервом. Она не играла, она замораживала.

От этого нельзя было избавиться – оставалось только преодолевать себя. Ему казалось, что от него вот-вот начнёт отваливаться мясо и весь он, уже не сдавленный спасительной твердью, распадется на куски. Угроза – мнимая или реальная – исходила отовсюду; он находился под ударом, точно выползшее из щели насекомое, и удар мог последовать с любой стороны. Даже без оружия он был в несколько раз быстрее и опаснее самого натасканного пустотника и всё-таки остро чувствовал измену сознания и плоти. В пустоте было нечто инородное, отторгаемое его сущностью, которая заключала в себе имманентный изъян. Боль неизменно служила напоминанием: он должен был знать своё место, а место нигредо – в непроницаемой тьме тверди.

Как всегда, он подавил болезненные ощущения, загнал их в специально отведённую клетку мозга, срезал до терпимого уровня. Вероятно, период адаптации занимал всего несколько мгновений, но субъективно длился гораздо дольше. Это почти ничего не меняло. При необходимости он вступил бы в схватку немедленно, точно так же, как если бы ломал твердь и случайно наткнулся на чужой коридор. И вряд ли противник уловил бы различие.

* * *

Лимб пребывал в своем мрачном величии, наполненный тайнами, видениями и снами. Бродяга считал его красивым, но ощущал в этой красоте что-то чуждое, почти противоестественное. Свод нависал опрокинутым нагромождением скал, мерцавших влагой, будто усыпанные звездами небеса, под которыми никто из отпрысков Колыбели не сохранил бы рассудок даже на протяжении четверти квадранта. Замки Спящих подпирали свод, словно колонны гигантских сталагматов, – погружённые во тьму и обвитые восходящими спиралями кошмаров. Зрелище завораживающее даже для нигредо, а о пустотниках и говорить нечего. При желании в окрестности любого из замков можно было найти трупы или скелеты тех, кто стал жертвой старой иллюзии и слишком долго играл в молчанку с самой тишиной. Но у него не возникало такого желания, и тайны обитателей Спящих не манили его – неизбежная тоска по Колыбели не имела ничего общего с тоской по дому.

Совсем мало огней и множество оттенков тьмы... Русло подземной реки, впадавшей за много пустот отсюда в океан Абзу, многократно изгибалось, словно мозаика, выложенная из отполированных серпов; быстрая вода отливала на перекатах расплавленным металлом с примесью фиолетовых и лиловых тонов.

Как всегда, стражники Лимба появились внезапно и словно ниоткуда. Ещё мгновение назад он никого не видел, но теперь дёргающиеся изломанные силуэты чётко выделялись на фоне невысокой скалистой гряды, которая уступами спускалась к реке. Всего фигур было шесть; от них падали тени, которым вроде бы неоткуда взяться. Одна казалась двухголовой и выглядела слегка несообразно, точно лишний палец на чёрной руке.

Пока стражники ковыляли к нигредо, их тени исполняли свой изнурительно сложный тягучий танец, огибали неровности, сворачивали за углы, проваливались в пещеры, сливались с тьмой... и удлинялись, будто где-то за ними садилась ослепительная луна пустотников. Как только стражники останавливались, тени исчезали.

Тот, кто счёл бы их медлительными, совершил бы большую и, вероятно, последнюю в жизни ошибку. Бродяга мог лишь догадываться о том, как им удаётся почти мгновенно перемещаться к месту взлома. Чутьё чутьём, но что касается охраны границы, то дело явно не обходилось без Проектора.

И только смрад опережал их. Чувствительный нос нигредо уловил запах мертвечины шагов за тридцать. Стражникам понадобилось не меньше минуты, чтобы одолеть это расстояние. Они не торопились, поскольку он не предпринимал попыток скрыться. Ещё бы – им принадлежало всё время тверди, включая Обратный Циферблат. Пока тени были с ними, они оставались неуязвимыми.

Тот, которого можно было принять за двухголового только издали, был капитаном стражи. На его левом плече сидел нетопырь, вцепившийся когтями в накладку из кожи пустотника. Иногда тварь принималась вынюхивать и вылизывать единственное ухо хозяина, которое было лишь немного больше каждого из её собственных заострённых ушей, напоминавших отогнутые лоскуты надорванного скальпа. Временами капитан «выслушивал» напарника благосклонно, но мог и ударить по оскаленной морде, после чего ненадолго лишался второй головы: оскорблённый в лучших чувствах нетопырь опрокидывался, полураскрыв крылья, и в течение какого-то времени болтался на хозяйском плече, будто эполет.

В красном глазу капитана зажгётся огонек узнавания – точно кто-то заново раздул угли в дотла выгоревшей башне:

– А-а, Твердолобый... Тебе известны наши правила. Ты должен сдать оружие. За своих пустотников отвечаешь головой.

Голос у него был сдавленный, будто он пережёвывал землю, а тон – ленивый, как и движения. Оживлялся он только тогда, когда ему перечили. Но даже в этом случае слово «оживлялся» было не совсем подходящим.

Нигредо, которого называли Твердолобым, не впервые заносило в Лимб, и он знал правила. Поэтому без возражений отстегнул обе кобуры и снял клинки в ножнах, которые принял в свои руки стражник с трепанированным черепом – этот малый двигался ещё хуже, чем остальные, и вообще не разговаривал. Тем не менее, за сохранность оружия можно было не беспокоиться. Путаницы или пропажи на памяти бродяги не случалось ни разу. Поскольку в этот раз он не привёл с собой живых пустотников и капитан это прекрасно видел, предупреждение было простой формальностью, продиктованной понятным желанием показать, кто тут главный.

Но зато нигредо имел при себе кое-что другое, а именно контейнер в заплечной сумке, и стражник не преминул спросить:

– Э-э-э... Нет ли у тебя чего-нибудь, что помогло бы моим людям скрасить вечность в пустоте?

Сила обычая. Тирания традиций. Теперь уже не узнать, кто и когда впервые предложил стражникам взятку, но с тех пор они вежливо просили «что-нибудь» в обмен на свою благосклонность. И обычно им не отказывали. С ними предпочитали не ссориться. Никто ведь не знал, что ждёт его за границей следующего квадранта. А может, и раньше.

Нигредо открыл контейнер и заглянул в стальной сосуд, наполненный отражениями. На дне его плавало нечто, напоминавшее два размытых чернильных пятна. Или клочья дыма. Или взвесь пыли. Но ни то, ни другое, ни третье.

Он сунул руку в контейнер и достал душу пустотника. У него осталась всего одна. Маловато, но сойдёт.

Стражники сделались похожими на свору голодных псов. Он почти ощутил пронзившую их дрожь ожидания. Они не сводили с него глаз, в которых засветились нездешние огни.

Душу, что трепетала в кулаке, подобно пойманной рыбке, он отдал им без сожаления.

Они сдвинулись, превратились в однородную массу, застыли; их тени слились и на несколько мгновений исчезли.

Капитан сохранял тень и достоинство. Старейший из стражников Лимба расплылся в улыбке – зрелище, от которого дети пустотников становились заиками на всю жизнь.

– Добро пожаловать в Зону Любви! – проскрипел он, а тварь, сидевшая у него на плече, распростёрла крылья, словно хотела принять голову нигредо в свои объятия и впиться ему в губы кровососущим поцелуем.

4. Таверна

Обычно они собирались в таверне Жирного Либоумера. Приходили всегда поодиночке. Уходили иногда парами – мужчинам и женщинам расы нигредо тоже хотелось ласки. Но никакие любовные утехы и улады плоти не сравнятся с трансцендентной лаской Колыбели – с этим согласился бы каждый из них. Именно поэтому они время от времени возвращались в Лимб. Чтобы услышать пророчество Спящего. Чтобы попытаться уловить в нём туманный намёк или стёршееся от старости указание. Чтобы найти путь *домой*, проделать тот единственный заветный коридор, который ведёт в... Кто знает – куда?

В конце концов, Колыбель – это всего лишь слово.

* * *

– Земля тебе пухом, Твердолобый!

Общеупотребительное приветствие Либоумер произносил не без иронии. Ему это пришлось, как, впрочем, и многое другое. Нет ничего печальнее, чем бывший бродяга, сменивший просторы тверди на жалкую участь пустотника.

– Могила ждёт, – в тон ему ответил нигредо.

– Да я уже и рад бы полежать, вот только кто будет варить пиво для вас, проклятое племя!

– Пиво у тебя хорошее, толстяк. – Нигредо положил на стойку небольшой самородок, расплачиваясь за выпивку на много кружек вперёд. – Как ты сказал – «проклятое племя»?

Самородок мгновенно исчез в огромной лапице Либоумера. Он никогда не утруждал себя отсчитыванием сдачи.

– Ну да, проклятое и есть. Нашептала одна старуха...

– Пустотница? – Презрение в голосе нигредо появилось само собой.

– Ага. Ну и что? – огрызнулся Либоумер. – Да ты о ней, наверное, слышал. Ясновидящая. Говорят, она... э-э-э... чуть-чуть... самую малость... ломает время.

– *Ломает время?* Да ты совсем свихнулся, мать твою! Если бы она это делала, её шкура уже висела бы на Башне Циферблата.

– Ну, ей не позавидуешь. – Либоумер понизил голос и придвинулся ближе, насколько позволяло громадное пузо. Затем сообщил доверительно: – Стражники съели её глаза.

– Но ты все равно её слушаешь. Эх ты, жаба... Так что там насчёт проклятия?

– Вот сам у неё и спросишь, – обиделся толстяк, однако тут же вспомнил о других самородках, возможно, лежавших в карманах нигредо. Клиент всегда прав.

– Обрати внимание. – Либоумер повёл головой с тройным подбородком в том направлении, где за угловым столиком сидела одинокая фигура, голову которой полностью скрывал капюшон с густым мехом. – Сегодня у меня особый гость. Готов поклясться, что сюда забрела цыпочка из Льдов.

– С чего ты взял, что из Льдов? – медленно спросил Твердолобый. Запах женщины был достаточно силён.

– Я, братец, может, и жаба, но ледоколов всё ещё чую за три коридора. Э, да у тебя, кажется, с одной такой что-то было? Говорят, у них топка между ног – можно согреться, а можно и член спалить...

Ничто не дрогнуло в лице нигредо. И всё же Либоумер осёкся. Предпочёл немного отодвинуться. И сменил тему.

5. Женщина

Она действительно пришла из Льдов – женщина с прозрачными глазами и кожей цвета пламени седьмой свечи Семисвечника. На исходе квадранта Твердолобый получил немного её огня, но так и не растопил чёрный лёд у себя внутри. Он невольно сравнивал её с той, которая уже целиком принадлежала памяти, а это почти всегда выигрышная позиция. Те, кто умерли, больше не совершают ошибок. Если минуло достаточно времени, они даже не причиняют боли. Они пробуждают только глухую тоску, и, чтобы усыпить её снова, нужно заснуть самому. Иногда он завидовал Спящим...

Женщина не была покорной, как шлюхи-пустотницы. В постели, в тесной задней комнате таверны Либоумера, началась маленькая война. Их взаимные атаки становились всё более жестокими, под конец они терзали друг друга всерьёз, забыв о том, что это всего лишь соитие. Но каждый, обнимая живого любовника, был обречён сражаться со своими призраками.

Потом он лежал рядом с ней и замерзал в тепле, источаемом разгорячённым телом. Её кожа сияла в полумраке, а в глазах было что угодно, кроме желания принять его в себя ещё раз. Вначале она была как раскалённое оружие, а чуть позже – как расплавленный свинец, когда тот начинает застывать и покрывается тусклой плёнкой, пряча жидкое нутро...

Всё равно Твердолобый был доволен. Всё, что накопилось внутри него за многие спирали одинокого странствия, сгорело в костре соития у неё между ног. Правильно сказал Либоумер – это была топка. Спасительная и безжалостная. Топка, в которую он бросал то, что давно умерло, перегнило, слежалось, стало нефтью и каменным углем. То, что *должно* было превратиться в дым и пепел... Потом он почувствовал бесконечное отчуждение.

На прощание она положила ему ладонь на живот. Ненадолго. Это было всего лишь мимолетное прикосновение. Но остался ожог – багровая пятерня, которая ещё долго напоминала о ней нестерпимым жжением. Эта сука из Льдов... Она дала понять ему, *что* могло бы произойти с ним, прежде чем он успел бы задушить её или свернуть ей шею.

А та, первая, которую он потерял, была ещё опаснее.

Но это её не спасло.

6. Встречи

В Пороховой Дыре нигредо пробыл недолго – ровно столько, сколько потребовалось, чтобы посетить оружейную лавку. Лицо пустотника, который стоял за прилавком, показалось ему смутно знакомым. Выяснилось, что в прошлый раз Твердолобый имел дело с его отцом, а этот был рождён в Лимбе и не так давно унаследовал торговлю. Пустотники жили мало; даже у самых свободных из них не хватало времени на поиски своей Колыбели, а у подавляющего большинства никогда и не возникало подобного желания.

Стоило Твердолобому расплатиться самородками за пять сотен патронов, как у него за спиной возник стражник с просверленной головой. Произошло это появление раздражающе быстро – быстрее, чем ноздрей коснулись миазмы *зарытого сокровища*, после чего стражник уже никуда не торопился. Неудивительно, что Ясновидящая лишилась глаз, – если, конечно, Либоумер не приврал, болтая о том, чего не видел. Но болтовня толстяка заинтересовала нигредо сильнее, чем ему хотелось бы.

Стражник провожал его взглядом до тех пор, пока он не вышел и не закрыл дверь лавки. Оказавшись в Кривом переулке, Твердолобый подозвал рикшу и велел везти себя в Могильный тупик. Откинувшись на спинку сиденья, он некоторое время размышлял об извращённости здешних обычаев. Не то чтобы все они ему не нравились; просто, находясь в Лимбе достаточно долго, он опасался подхватить смертельную болезнь – чувство ложной безопасности. Не потому ли его потянуло в тупик? Он нуждался в инъекции веры, отрицающей вечную жизнь, – чтобы помнить о неминуемом конце. Порой ему казалось: он жил полноценно только потому, что постоянно думал о смерти.

Рикша задыхался на подъёме. Этот пустотник был уже стар, находился где-то на середине своей последней спирали и перешёл под управление Спящего В Земле. На повороте его обогнал другой рикша. Твердолобый присмотрелся к тёмному силуэту пассажира за мутным стеклом в окне повозки. Без сомнения, это был нигредо, целью которого тоже был Могильный тупик.

Встречи в пустоте. Как правило, от них оставались плохие воспоминания – но только у выживших. Впрочем, Лимб всегда был исключением из правил, и минувшая четверть квадранта, которую он провёл с женщиной из Льдов, служила лучшим тому подтверждением. Стоило подумать о ней, и он снова ощутил боль ожога – стигмат опасной любви был куда более реальным, чем тысячи слов, произнесённых в лихорадке совокуплений.

Твердолобый поспешно выбросил женщину из головы. До тупика оставалось совсем немного, если, конечно, никто из Спящих не отправил его в *дрейф*. Передняя повозка уже была едва различима. Что же он успел заметить? Что силуэт за стеклом принадлежал очень крупному мужчине. И явно массивному – однако нанятый им рикша был молод и здоров. Ещё на виду оказались сапоги на очень толстой подошве с поблескивающими металлическими носами. Судя по тлеющему огоньку сигареты или сигары, незнакомец мог позволить себе некоторые излишества.

Вроде бы простая вещь: любой нигредо опасен. Сложность заключалась в своевременном определении степени опасности. Кроме того, Твердолобый верил в совпадения, то есть в синхронность некоторых событий – она означала всего лишь, что в каждой руке судьбы зажато по несколько нитей. И хочешь не хочешь, а кое-каких встреч не избежать.

Он достал флягу и отхлебнул тревожной настойки Либоумера. Толстяк знал своё дело: кровь быстрее побежала по жилам, чувства обострились, самые отдалённые предметы приобрели необычайную резкость очертаний, будто были вырезаны бритвой из цельной глыбы темноты. Да, настойка стоила потраченного на неё серебра. Правда, Твердолобый был далёк от мысли, что Жирный Либоумер продаёт свои зелья ему одному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.